

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
ВЕТЕР ПЕРЕМЕН ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ДЕМОКРАТИИ
(ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ И СТРАН СНГ)**

**М. О`Делл,
аспирант.
Великобритания,
г. Лестер.**

*«Не стоит спорить с неизбежным.
Единственный аргумент с Востока
– ветер, который заставит всех надеть пальто».*

*Джеймс Рассел Лоуэлл,
американский дипломат, поэт, педагог, и эссеист*

*«Мы демонтируем тот порядок на Ближнем
Востоке, который устанавливали и поддерживали
на протяжении предыдущих 60 лет. Мы теперь
перестаем опираться на то, на что опирались. Мы
теперь позволим тяжёлую работу сил демократии
везде, без всякой оглядки на стабильность».*

*Кондолиза Райс,
выступление в американском университете в
Каире*

Изучение проблем регионального развития международных отношений начнём с обращения к определению понятия «Ближний Восток», его развития в системе политических явлений и непосредственную связь переосмысления картографии ближневосточного региона. Это представляется весьма важным не только для понимания происходящего на Ближнем Востоке, но и ключом к пониманию глобальных процессов в регионе стран СНГ и России, которые там происходят или могут произойти.

Рассмотрим ряд проблем, которые столетиями вызревали на политической карте мира при разных географических, исторических и политических условиях, которые сходны в том, что в них присутствуют сложность, изменчивость и устоявшиеся веками геополитические интересы. Понятие «Ближний Восток» имеет весьма условное происхождение и имеет множественную вариативность своего определения. По утверждениям А.И. Герцена: «Восток никогда не имел науки; он жил фантазией и никогда не устанавливался настолько, чтоб привести в ясность свою мысль, он так расплывался в бесконечную ширь, что не мог дойти до какого-нибудь самоопределения» [1, с. 276]. Вариативность понятия «Ближний Восток», выражена несколькими смыслами толкования, как например, география или территориальное расположение «Ближнего Востока», историческое устройство «Ближнего Востока», философия и наиболее остро

рассматриваемое определение политического «Ближнего Востока». В каждом из этих смыслов толкования присутствует некоторая неточность. Так, например, разбирая территориально-географическое положение «Ближнего Востока», нельзя в точности определить, какие государства входят в его состав: не существует единого для всего мира подхода определяющего территорию Ближнего Востока в целом. Классическим примером географического положения «Ближнего Востока» принято считать Западную Азию и Северо-Восток Африки во главе с объединёнными государствами и отдельными странами, такими как: Объединённая Арабская Республика, Объединённые Арабские Эмираты, Народная Республика Южного Йемена, Йеменская Арабская Республика, Бахрейнские острова в Персидском заливе, княжества Аравийского полуострова, Судан, Израиль, Иордания, Сирия, Ливан, Турция, Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт, а также Республика Кипр в Средиземном море. При всём при том, это лишь поверхностное, отвлечённо-обобщённое, территориальное представление ближневосточного региона.

Географическая характеристика ближневосточного региона

Как только мы даём обозначение понятию региона – «Ближний Восток», невольно возникает аналогия с устоявшимися словосочетаниями: арабский мир, государства исламского мира, арабский восток и т.д. Однако понятие «Ближний Восток» находится в процессе формирования, мы ищем его определения и одновременно воссоздаём каркас его дефиниции, акцент исследования понятия с географической точки зрения делает его слишком узким. В действительности речь идёт о геополитическом видоизменении понятия «Ближний Восток», в рамках которого и предстоит найти определение исследуемого феномена. Как известно, международная практика наработала следующие основные концепции ближневосточного региона: исторические, востоковедческие, философские, экономические, археологические, социологические, политические и др. Все эти и другие концепции отражают соответствующие грани «Ближнего Востока». Так, например, толкование географического «Ближнего Востока» может меняться в зависимости от научных взглядов, подходов к изучению, а также построения научно-политической методологии. Процесс толкования как раз и начинается с построения научной системы. Здесь необходимо согласиться с Н.И. Матузовым в его оценке сущности методологии: «методология – такая вещь, где никогда не было, нет и, пожалуй, быть, по определению, не может единства мнений, где всегда шли и сейчас идут острые споры, дискуссии. Ибо, как известно, в текущей жизни непрерывно возникают новые реалии, к объяснению которых прежние, застывшие мерки не подходят» [2, с. 190].

Обращаясь к исконным переводам на арабский язык толкование «Ближний Восток» чаще выглядит как الشرق الأوسط [аш-шарка аль-авсат] или الشرق الأدنى [аш-шарка адани], что в переводе имеет тождественное значение, хотя термин [аш-шарка аль-авсат] употребляется чаще, нежели последующий. В географическом понимании термин «Ближний Восток»

используется для обозначения стран и цивилизаций, как колыбель человеческой цивилизации и колыбель всех религий. Также, в арабском языке, под понятием «Ближнего Востока» понимается الوطن العربي [аль-ватан аль-'арабийя], что в переводе означает арабская родина, которая расположена на территории от Атлантического океана (Марокко) до Персидского залива. Экспансия и распространение ислама арабов-мусульман в ранние века обратили регион «Ближнего Востока» в أرض الإسلام [ард аль-ислам] – земли ислама, впоследствии подчинённые политическими и экономическими интересами колониальной Великобритании.

Европейские научные исследователи, чаще всего называют «Ближний Восток» (Middle East) или (Near East) как правило, для маркировки территорий в широком или узком смысле. При использовании понятия (Middle East) в широком смысле сюда можно отнести страны Аравии, Месопотамии и территорий, омываемых Персидским заливом, а (Near East), более редко встречающееся политическое понятие, используемое для обозначения стран Болгарии, Греции, Египта, Турции в период до первой мировой войны. Однако сам термин (Near East) можно также встретить и в археологических исследованиях для обозначения территорий, к которым обычно относят Анатолию, Левант и Месопотамию. Поскольку для континентальной Европы на протяжении долгих веков понятие «Дальний Восток» было неизвестно, то Востоком именовался регион, получивший название Ближнего Востока. В своей работе «Закат Европы. Очерки морфологии истории» О. Шпенглер называет культуру ближневосточного региона магической и полагает, «магическая культура – территориально и географически наиболее срединная в группе высших культур, единственная, которая в пространственном и временном отношении соприкасается почти со всеми другими. Поэтому всё вообще строение целостной истории в нашей картине мира полностью зависит от того, познаем ли мы форму магической культуры, которая была подменена внешней; однако именно внутренняя форма и не была до сих пор познана по причине филологических и теологических предубеждений, а ещё более – из-за раздробленности современных научных дисциплин» [3, с. 194].

С другой стороны в науке также существовали нетипичные представления о ближневосточном регионе, разработанные средневековыми арабскими учёными Абу-л-Касимом Убайдаллахом ибн Абдаллахом ибн Хордадбехом, Ибн Рушдой и Ибн Халдуной, и сущность их толкования несколько менялась: «Ближний Восток» становился «Арабским Востоком» и «Арабским Западом» или Арабским миром в целом (в науке этот регион также называют Афроевразией), состоящим из двух субрегионов المغرب, [аль-Магриб] «там, где закат», и المشرق [аль-Машрик] «там, где восход». Понятия этих двух субрегионов выстроены вполне условно, к странам «Машрика», в географическом толковании «Ближнего Востока», в качестве собирательного обозначения обычно относят Ирак, Сирию, Иорданию, Палестину, Ливан, Египет. На этой же территории Арабского Востока расположен и Израиль, не нашедший право на самоопределение и не являющийся по этническому

составу арабской страной. Однако арабские учёные относят эту страну к исторической территории Палестины, поэтому по-прежнему Израиль отнесён к территории «Машрика».

К странам «Магриба», в широком смысле, обычно относят: Западную Сахару, Марокко, Алжир, Тунис, Мавританию, Ливию. С точки зрения внутренних и внешних направлений внешнеполитической деятельности, страны Магриба, представляют собой огромный интерес в системе международных отношений, так как являются стратегически важным регионом мира. Как полагает президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, «Ближний и Средний Восток – это арабский мир, неарабские исламские страны и неисламские регионалы. В арабский мир входят: Магриб (арабский Запад – Северная Африка до Египта), Машрик (арабский Восток – Египет, Левант, Аравийский полуостров и Двуречье), а также арабо-африканские Судан и страны Африканского Рога. Неарабские исламские страны – это Турция, Иран, Афганистан и Пакистан (именно три последние страны и являются Средним Востоком) [4, с. 12].

Ещё одним из примеров нерационального толкования «Ближнего Востока» является отнесение территорий Азербайджана, Грузии и Армении к региону зарубежной Юго-Западной Азии. Существуют также парадоксальные теории географического ближневосточного региона, именуемые в науке как «экзотические» теории происхождения «Ближнего Востока»: иногда к этому региону относят Австралию или Китай, Японию или Индию, Бразилию или Турцию. Разногласия, возникшие с определением географического расположения «Ближнего Востока» были вызваны неоднозначностью восприятия региона в целом, модернизацией геополитических интересов к региону, а также связаны с процессами политической и экономической глобализации. Концепция исследования географического региона «Ближний Восток» трансформировалась столетиями и продолжает претерпевать значительные изменения вследствие того, что сам регион находится в стадии эволюционного развития. Однако эволюция ближневосточного региона – процесс диалектический. Сущность географического толкования «Ближнего Востока» не меняется. Меняются глубина его понимания, фон качественных характеристик, представления картографий международного сообщества. Как справедливо полагает Н.Н. Тарасов, «переходные процессы в обществе, смена социальных идеалов и ценностей, актуализация различных философских взглядов на политику и методологических подходов к его исследованию требуют нового обращения политиков к наиболее фундаментальным и устоявшимся положениям своей науки, в том числе, считавшимся "незыблемыми истинами", осмысления их на современном философско-методологическом, науковедческом уровне» [5, с. 14].

Поскольку сам по себе регион не является географической константой, его география немислима без применения методологий регионоведения. В этой связи, профессор А.Д. Воскресенский предлагает качественно новый подход к изучению региона при помощи систематизации и выявления

основных свойств региона. Так, например, «отдельные страны могут входить – по различным категориям – не в один, а в два или даже три региональных кластера» [6, с. 495].

Обусловливая понятие «Ближний Восток» как макрорегион, нужно представлять его как совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых явлений, определяющих его пределы на политической карте мира. Чтобы перейти к наполнению понятия «Ближний Восток» новым смыслом, обозначим, его как акваторию, территориальную единицу, наделённую нераздельностью границ. Исходя из вышеизложенных толкований, сформируем наиболее общее географическое определение ближневосточного региона: «Ближний Восток» – регион в Западной Азии и Северной Африке. «Средний Восток» – условное обозначение региона Западной Азии, расположенного между Европой и Пакистаном. В англо-американской литературе «Средний Восток», заменяет собой термин «Ближний Восток», или объединяет в своём понятии совокупность стран «Ближнего Востока» с Ираном, Пакистаном и Афганистаном, при объединении обоих регионов предпочтительно называть ближневосточный регион «Ближним и Средним Востоком». Если рассматривать Арабский мир (Афроевразию) как макрорегион, то есть «Арабский Запад» и «Арабский Восток», то к странам Магриба будут относиться: Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Мавритания, и так называемый Африканский Рог, эфиопская периферия Эритрея, Джибути и Сомали. К странам Машрика: территории Леванта, то есть Иордания, Сирия, Египет, Ливан, Палестина и Израиль, несмотря на спорность определения этих земель. Необходимо также маркировать место в акватории «Ближнего Востока» стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (монархические акватории), которые представляют стержневое значение для мировой экономики из-за огромных ресурсов нефти и газа: Королевство Саудовская Аравия, Йемен (единственный среди списка не являющийся королевством), Оман (единственный сохранившийся Султанат), Объединённые Арабские Эмираты, Королевство Бахрейн и Эмираты Катар, Кувейт.

Европейские исследователи, как правило, указывают на то, что в понятие «регион» следует вкладывать смысл таксономической единицы между государством и обществом. Под доминантой функционирования региона следует рассматривать социокультурный код, состоящий из природно-географических, геополитических, геоэкономических и других признаков.

Очевидно, что полного единообразия в толковании «Ближний Восток» достичь невозможно, однако следует превратить это понятие в консолидирующую идею, общеиспользуемую, понятную для всех стран мирового сообщества, сформировать не только географическое, но и политическое представление региона «Ближний Восток» в целом. Очертив на минимально возможном уровне географические подходы к понятию «Ближнего Востока» и ближневосточного региона, мы будем далее уточнять их наиболее продуктивным путём – в контексте геополитического

исследования, поскольку пытаться раскрыть в коротких дефинициях столь многогранные и к тому же формирующиеся феномены – значит, безосновательно их упрощать и ограничивать узкими рамками неполных определений.

Географическая путаница ближневосточного региона, безусловно, может объясняться изменением внешней карты мира, изменениями, связанными с историческими событиями и социальными условиями, вместе с тем, в науке образовался целый пласт политического ракурса рассмотрения «Ближнего Востока», полноценные теории и парадигмы. В отличие от географически изменяющегося «Ближнего Востока», политические теории укрепились достаточно плотно, благодаря своему историческому и геополитическому развитию, и по-прежнему продолжают существовать в современном мире.

История происхождения термина «Ближний Восток»

Арабские учёные предполагают что термин «Ближний Восток» появился вследствие сионизма, политического движения, целью которого являлось объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине. Наиболее остро вопрос о сионизме был рассмотрен в работах Л. Беренштейна, который утверждал что, «сионизм – это еврейское национально-освободительное движение, имеющее двойную цель: осуществить возвращение евреев на Родину, возрождение в ней еврейской нации» [7, с. 43].

Как писал основатель сионизма (политического движения глобальной еврейской организации) Теодор Герцль в 1897 году в своём дневнике, «мы должны создать Содружества Среднего Востока и установить роль экономического лидерства, быть в центре для привлечения инвестиций, научных исследований и технической экспертизы» [8, с. 438].

Исследователи также подчёркивали необходимость объединения ближневосточного региона консолидирующим термином в связи со значимостью положения его между тремя континентами Европы, Азии и Африки, в том числе стран Аравийского полуострова, Ирака, Ирана, Афганистана. Как полагает Л. Ивашов, размышляя о геополитических горизонтах, «мы могли бы разработать и предложить человечеству концепцию новой социальной структуры мира, основанную на принципах новых социальных отношений Севера и Юга, Запада и Востока, гармонично сочетающих интересы цивилизаций, религиозных конфессий, государств и народов. То есть сменить тезис о столкновении цивилизаций на гармоничное развитие цивилизаций, культуру смерти на культуру жизни» [9, с. 36].

Однако некоторые учёные всё же склонны придерживаться мнения, что понятие «Ближний Восток» впервые употребил американский военно-морской стратег Альфред Тайер Мэхэн в статье «Персидский залив и международные отношения» (The Persian Gulf and International Relations), которая была опубликована в 1902 в выпуске лондонского еженедельника «National review». Причём в смысл «Ближнего Востока» он вкладывал страны

прилегающие к Персидскому заливу, в том числе Иран, что соответствовало колониально-имперским взглядам того времени. В то время Британская и Российская империи боролись за влияние в центральной Азии – это соперничество получило название Большая игра. По убеждениям Мэхэна, только морская сила (sea power) могла превосходить над другими силами, и только таким способом можно было притязать на гегемонию над миром, подразумевая под ней Великобританию. Стратегически важной морской территорией он называл Суэцкий канал – как место для контроля Великобритании от вмешательства русского продвижения в сторону Индии.

Впоследствии термин «Ближний Восток» получил распространение благодаря журналистским исследованиям Валентайна Чиролы (Valentine Chirol), который был апологетом имперских интересов Великобритании. В своём исследовании «Ближневосточный вопрос» (The Middle Eastern Question) Чирол распространил сферы влияния «Ближнего Востока» и, кроме Ирана, присоединил Ирак, восточное побережье Аравийского полуострова, Афганистан и Тибет, то есть регионы Азии, простирающиеся до границ Индии и господствующие над подходами к Индии. Таким образом, он адаптировал определение «Ближнего Востока» к новым геополитическим явлениям, сформировав понятие, по сей день используемое повсеместно во всем мировом сообществе.

До Первой мировой войны термин «Ближний Восток» (англ. Near East) в английском языке употреблялся для обозначения Балкан и Османской Империи, и как уже упоминалось ранее, в то время как «Средний Восток» (англ. Middle East) относился к Ирану, Афганистану, Центральной Азии и Кавказу. В свою очередь, «Дальний Восток» (англ. Far East) относился к странам Восточной Азии (в частности Китаю, Японии, Формозе, Корее, Гонконгу). После исчезновения Османской империи в 1918 году, термин Near East перестал употребляться в английском языке, в то время как Middle East стал применяться к государствам исламского мира.

После Первой мировой войны Уинстон Черчилль трансформировал ближневосточный регион, включив в него Суэцкий канал, Синайский и Аравийский полуостров, а также недавно созданные тогда государства Ирак, Палестина, Трансиордания. Великобритания придерживалась мнения, что Тибет и Афганистан не входили в состав «Ближнего Востока».

В период между мировыми войнами термин Middle East стал употребляться как абстрактное обозначение для прежних стран «Ближнего» и «Среднего» Востока, которые прежде обозначались до этого термином Near East. Однако в историческом контексте, относящемся к периоду приблизительно до Второй мировой войны, Middle East принято переводить как «Средний Восток». Следующей поправкой департамента США стало пояснение термина «Ближний Восток» и «Средний Восток», которые по праву являлись взаимозаменяемыми терминами и включали в себя территории Египта, Сирии, Израиля, Ливана, Иордании, Ирака, Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и Катара.

В документации Организации Объединённых Наций термин Middle

East в основном применяется относительно арабо-израильского конфликта. Понятие Near East редко используется, однако политики рекомендуют заменять его на альтернативный термин, например «Западная Азия», являющийся официальным обозначением, используемым в Организации Объединённых наций.

Геополитические концепции ближневосточного региона

Геополитическое понятие региона «Ближнего Востока» имеет почти вековую историю, его содержание многократно трансформировалось и уточнялось. Следует отметить, что одной из важных исторических предпосылок политического представления о «Ближнем Востоке» стало англо-саксонское мышление или позднее, в связи с присутствием в нём американских ученых – англо-американское мышление, которое впоследствии породило парадигмальную геополитическую теорию ближневосточного региона, ведущими представителями которой стали А.Т. Мэхэн, Х. Маккиндер, и Н. Спайкмэн. Триада этих авторов в науке образовала концепцию геополитических учений, которую принято называть «атлантическая» школа.

Концептуальным сдвигом в мировой политике стала идеология Хэлфорда Маккиндера. По его убеждениям «Ближний Восток» представлял собой «внутренний полумесяц Хартленда», протянувшийся от Западной Европы через Ближний и Средний Восток, Индокитай в Северо-восточную Азию. Маккиндер характеризовал «Хартленд» (от английского Heartland) – «срединная земля», «сердцевинная земля» как географический центр Вселенной, предполагая, что держава, получившая управление над Хартлендом – гегемон [10]. В его представлениях именно внешняя политика Великобритании способна повлиять на государства «внутреннего полумесяца», следовательно, образовать господство над миром [11].

Преемником идеологических воззрений Маккиндера стал Николас Спайкмэн основатель геополитической концепции Римленд (англ. Rimland – «дуговая земля»). Под территориями Римленда он имел в виду Западную и Центральную Европу, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Ирак, Пакистан, Индию, страны Дальнего Востока и Китай. В противовес концепциям Маккиндера, Спайкмен выдвигал идеи господства в Евразии, предполагая, следующее: «кто контролирует Римленд – тот господствует в Евразии, а кто господствует в Евразии – тот контролирует судьбы мира» [12]. Спайкмен в своей идеологии предпринял попытку фактора сдерживания Хартленда Римлендом, по его мнению, именно Римленд, являлся одним из конфликтогенных регионов континентальных и морских держав.

Применительно к ближневосточному региону следует также уделить внимание концепции Коэна Саула, который использовал термин «пояс раздробленности» (с англ. shatterbelt) (примерный эквивалент концепции Римленда) – «большой, стратегически важный регион, который охватывает ряд конфликтующих государств и мечется между конфликтующими интересами превалирующих государств» [13, р. 233]. В его представлении

Ближний Восток и регион Юго-Восточной Азии является «поясом раздробленности», которые только недавно вышли из-под колониального господства и не сумели добиться широкого регионального единства. Коэн объяснял это наличием в данных регионах внутренних физических преград, отсутствием объединительных геополитических стержней и постоянным внешним давлением, исходящим от морского и континентального геостратегических регионов.

Исходя из идеологии З. Бжезинского «Ближний Восток» в его терминологии и интерпретации мышления – «Евразийские Балканы», которые представляют собой центральную зону глобальной нестабильности. В эту географическую общность входит Кавказ (Грузия, Республики Азербайджан и Армения), Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан), а также Иран и Турция. В своём научном труде «Великая шахматная доска» он формирует новую доктрину американского экспансионизма, являясь последователем концепции геополитической «атлантической» школы [14].

Итак, с точки зрения универсалий англо-саксонского мышления на рубеже XX века, можно вывести следующее умозаключение: «Ближний Восток» представляет собой особо важный геостратегический регион, позволяющий регулировать морские и сухопутные движения из Европы в Индию и Дальний Восток.

Немаловажную историческую ценность в построении концепции Ближнего Востока также играют представления Арнольда Тойнби, изложенные в 1927 году. «Эгоцентрическая иллюзия в западном сознании – размышляет он, имея в виду вопрос о сохранившихся, современных «цивилизациях, – укрепляется ложным понятием «статичного Востока», что включает ислам, индуизм и дальневосточную цивилизацию, объединённые с помощью неописательского эпитета «ориентальный». Такое понятие предполагает, что все эти цивилизации отличаются от западной... В действительности у ислама меньше общего с индуизмом или дальневосточной цивилизацией, чем с православным и западным христианством, тогда как пропасть, отделяющая западную цивилизацию от индуизма и дальневосточной цивилизации, не столь велика, как это предполагается» [15, р. 36]. Учёные придерживаются точки зрения, что именно его концепция заслуживает право называться концепцией старого, устаревшего «Ближнего Востока», которой он положил начало формированию «Нового Ближнего Востока».

Идейная концепция цивилизационного подхода расширения границ «Ближнего Востока» по своей структуре схожа своим содержанием и теоретическим осмыслением исходных положений с теорией «Столкновения цивилизаций» Самуэля Хантингтона. По утверждению С. Хантингтона, «Мир, где стержневые страны играют преобладающую роль, – это мир сфер влияния каждой из них» [16, с. 239].

На сегодняшний день термин «Ближний Восток», обозначающийся как арабо-исламский регион исчерпывает себя как понятие, в связи с тем, что не

содержит в своём толковании всего пространства, которое представляет собой новую геополитическую периферию.

«Ближний Восток» в поисках самоопределения

В англо-американской науке распространены мнения о существовании так называемого «Большого Ближнего Востока», «Нового Ближнего Востока» или «Расширенного Ближнего Востока» – все эти понятия были выдвинуты с целью «реконструкции», пересмотра и переосмысления существования ближневосточного региона, как попытка глобального доминирования, борьба с террористическими актами и стремлениями приобретения национальной безопасности. Проект трансформации ближневосточного региона планировался англо-американскими дипломатами, как феномен изменения географических границ, а также свидетельство геополитической перекомпоновки пространства, связанный, с открытием перспективы, кардинального пересмотра пространства рубежей Ближнего Востока. Арабские учёные также обращают внимание на то, что «из-за того, что арабский мир на сегодняшний день ещё не осознал общности своих коренных интересов, высших интересов арабской нации, на свет появилось множество новых зарубежных стратегий, примеряемых к этому региону» [17].

Первым этапом переформатирования «Ближнего Востока» послужила «доктрина Эйзенхауэра» в 1957 году, где Госсекретарь США Джон Фостер Даллес обусловил «Ближний Восток» как «область, лежащую между и включающую Ливию на западе и Пакистан на востоке, Сирию и Иран на севере и Аравийский полуостров на юге, а также Судан и Эфиопию» [18, р. 672]. «Доктрина Эйзенхауэра», призывала «заполнить вакуум» на «Ближнем Востоке», подразумевая под собой появление англо-франко-израильской агрессии как некоего «вакуума силы», заполнить который, по мнению США, стремился Советский Союз, поставивший своей целью «господствовать на Ближнем Востоке». Доктрина также допускала использование военной силы США для обеспечения территориального единства и суверенной целостности государств, в случае необходимой помощи для противостояния агрессии, которая может быть предпринята против них каким-либо из «коммунистических режимов» [19].

Важной предпосылкой формирования политического «Ближнего Востока» послужила также «гуамская доктрина», или «доктрина Никсона», опубликованная в 1969 году, суть которой сводилась к тому, что «страны Ближнего Востока сами могли определять судьбу региона несомненно, под воздействием США» [20].

Третьим важным этапом в построении политического ближневосточного региона вслед за «доктриной Эйзенхауэра» и «доктриной Никсона» была «доктрина Картера». С принятием этой доктрины в декабре 1980 г. начался новый период интернациональной борьбы в регионе Персидского залива Ближнего Востока. В исходных положениях «доктрины Картера» были сформированы «силы быстрого развёртывания», или

«быстрого реагирования» (Rapid Deployment Joint Task Force), в зоне Ближнего Востока для получения нефти, как для США, так и европейских союзников [21, с. 737].

В 1980-е годы англо-американская «ближневосточная» стратегия основывалась на «доктрине Рейгана», которая разделяла мир на «чёрных» и «белых». К белым, безусловно, относились господствующие страны, к странам «чёрных» они относили страны социалистического блока [22, с. 93]. Именно эти геополитические парадигмы, состоящие из четырёх концепций, составили основу проекта «Большой Ближний Восток».

Термин «Большой Ближний Восток» (The Greater Middle East) был создан геополитиками как макрорегион для проектирования американской политики, включающий в себя всё пространство от Северной Африки до границ Индии. Хронологически следует считать, что проект был запущен после ввода ограниченного количества советских войск СССР в Афганистан в декабре 1979 года, а также последовавшей исламской революции в Иране в 1979 году.

Концепция «Большого Ближнего Востока» была подвергнута некоторому переосмыслению в связи с окончанием Холодной войны и распадом СССР. По мнению американских учёных прошлого века, любое советское проникновение в регион Ближнего Востока означало стремление заблокировать Североатлантический альянс. Североатлантический альянс впоследствии «стал бы причиной драматического изменения мирового баланса сил» [23, с. 5].

В 1993 году президент Израиля Шимон Перес сформировал своё представление о трансформации региона «Большой Ближний Восток», вкладывая в него новый смысл сотрудничества, гуманности и умеренности.

Целостная концепция формирования «Большого Ближнего Востока» была сформирована в 2003 году Дж. Бушем в Национальном Фонде Демократии, где он заметил, что «иракская демократия победит, и покажет свою победу от Дамаска до Тегерана, что независимость может быть участью каждого народа». В научной литературе проект впервые подробно был изложен в монографии Дж. Кемпа и Р. Харкави, «Стратегическая география и меняющийся Ближний Восток» где подробно описывалась геополитическая модель ближневосточного региона, куда отнесены страны «традиционного» Ближнего Востока, а также, территории от Турции к государствам Закавказья и территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана [24, р. 46].

Следует считать, что вторжения НАТО и США в Афганистан (2001 год) и в Ирак (2003 год) были косвенно связаны со стремлением геополитической трансформации восточной части «Большого Ближнего Востока».

Идея создания «Большого Ближнего Востока» в американской дипломатии позиционировалась как забота об обеспечении повсеместной свободы и демократизации. После завершения разработки строительства проекта «реконструкция Ближнего Востока» в начале 2004 года Вашингтон разослал документальное подтверждение в четыре арабские страны – Египет,

Саудовская Аравия, Марокко и Тунис и государствам «большой восьмёрки» с приглашением на участие в саммите, однако, все четыре страны отказались от участия и категорически отвергли план «Большого Ближнего Востока». В своём заявлении сын президента Хосни Мубарака Гамаль Мубарак заявил: «Цель американского проекта – размыть арабскую самобытность, реализация проекта «Большой Ближний Восток» – превратить в развалины Лигу арабских государств. Арабский народ потеряет свою идентичность» [25].

Президент Сирии Башар Асад, сообщил, что не «может быть развития демократии в условиях борьбы и существования политических проблем, и никто в Сирии, и во всём ближневосточном регионе не доверяет американской реализации плана» [26]. Совет муфтиев России также оказал противостояние реализации проекта, заявив, что внесения подобного рода проектов в исламскую жизнь, похоже на начало нового «крестового похода». Демократизация, как считалось в Совете муфтиев, не должна быть навязана внедрением американской культуры и моральных ценностей, которые противоречат традиционным жизненным принципам исламского общества. Тем более, как отмечал шейх Равиль Гайнутдин, «сегодня многие мусульманские страны идут по пути демократизации и добиваются на этом пути определённых успехов». Однако им была внесена следующая поправка, «Ислам – это и есть демократия, безусловно, данный процесс подвержен стагнации и замедленному действию, так как это свойственно менталитету мусульманского гражданского общества и все они сторонники постепенных преобразований».

Как справедливо утверждает Е.С. Мелкумян, «реформы в арабском мире, должны основываться на общемировом опыте и традициях арабского общества. Именно такой подход к реформам представляется приемлемым представителям правящего класса арабских государств, которые стремятся, с одной стороны, упрочить свое положение в мире, а с другой, опасаются утратить поддержку со стороны широких кругов арабского общества и поэтому пытаются в процессе реформ сохранить некую присущую арабскому менталитету специфику» [27].

Страны «большой восьмёрки» провозгласили, что действительно «Ближний Восток» нуждается в реформах, но, тем не менее, подвергали критике новый проект. Так, например, президент Франции Жак Ширак заявил, «регион не нуждается в миссионерской демократизации».

Позднее концепция реформирования Ближнего Востока была модернизирована лидерами «большой восьмёрки» и окончательная редакция этого проекта получила название: «Партнёрство ради прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки».

Смыслом новой редакции «Расширенного Ближнего Востока» стало положение «о политическом, экономическом и социальном развитии Ближнего Востока и Северной Африки»; лидеры «большой восьмёрки» предложили региону Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки партнёрство, направленное на укрепление «свободы, демократии и процветания для всех стран и народов». Таким образом, можно

предположить, что документ, принятый «большой восьмёркой», был предложен США для проведения единой дипломатической политики в отношении государств исламского мира, которые расположены в непосредственной близости друг от друга и представляют собой угрозу для организации всеобщей безопасности.

Е.Я. Сатановский обращает внимание на то, что, «необходимость демократизации Ближнего Востока стала штампом. Администрация Соединённых Штатов распространяет в регионе демократию с тем же упорством и, отметим, тем же результатом, с которым в своё время Советский Союз распространял здесь идеи социализма. При этом разрушается система «сдержек и противовесов», отличная от западной, но эффективная в местных условиях, созданная местными элитами. Судя по достигнутым результатам, главная задача сегодняшнего дня на Ближнем Востоке не демократия, а стабильность. Региону необходим переход к эволюционной модели развития, основанной не на попытках насильственной «демократизации» извне, а на поддержке правящих элит, будь то светские режимы, умеренные монархии или парламентские исламские республики, готовые вписаться в действующий миропорядок» [28].

По мнению российского учёного в области исламского права Л.Р. Сюкияйнена, следует считать, что «реформирование Ближнего Востока на демократических основах может быть успешным лишь при условии включения в планы реформ достижений мусульманско-правовой культуры. Актуальная научная проблема заключается в анализе пределов и возможностей позитивного взаимодействия западных и исламских политико-правовых традиций и стандартов, а также соотношения требований демократизации политической системы с её стабильностью» [29, с. 125].

Как утверждает руководитель центра стратегических проблем России С.Г. Лузянин, после сформировавшихся проблем политического осмысления ближневосточного региона, «Евразия сегодня существует в двух условных измерениях: географическом и геополитическом. Причём эти понятия не всегда совпадают, иногда развиваются независимо друг от друга, двигаясь в разных направлениях. Регионы Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан), Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан), Среднего Востока (Турция, Иран, Афганистан) и другие сближаются, зачастую формируясь в некие новые региональные объединения типа «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и т.д.» [30, с. 40].

А. Бард и Я. Зодерквист описывают одну из таких проблем, характерных для многих государств: «...дезинтеграция национального государства усиливается и ускоряется, когда его институты беспомощны в осуществлении контроля» [31, с. 180].

«Большой Ближний Восток» приобрёл несколько изжившее значение, и государственный секретарь США Кондолиза Райс в 2006 году в Тель-Авиве впервые выдвинула обновлённый термин «Новый Ближний Восток», охарактеризовав военные действия между Израилем и Ливаном следующим

образом: «то, что мы наблюдаем сегодня, по сути, представляет собой начало родовых схваток, в результате которых родится «Новый Ближний Восток», и что бы мы ни делали, нам следует отдавать себе отчёт, что мы работаем во имя этого Нового Ближнего Востока».

Концепция «Нового Ближнего Востока» была призвана заменить понятие «Большой Ближний Восток», и сформировать концептуально новую парадигму. Так, проект «Нового Ближнего Востока» был публично представлен Вашингтоном и Тель-Авивом в надежде на то, что Ливан окажется критической точкой, с которой начнётся процесс изменения границ, на всём Ближнем Востоке. Таким образом, на внешнеполитическую карту был нанесён трансформированный проект «Ближний Восток», который идентифицировался с «Новым Ближним Востоком».

Проект «Нового Ближнего Востока» сводится к сближению «традиционного Ближнего Востока» со странами Центральной Азии, а именно: Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан и Туркменистан, а также присоединение части Грузии, Китая, Непала и Индии.

Реконструкция проекта «Новый Ближний Восток» была предложена Ральфом Петерсом и опубликована в статье «Кровавые границы» в издании *Armed Forces Journal* в июне 2006 года. Р. Петерс в своём исследовании обращает внимание на вероятность того, что нынешние территории стран Большого Ближнего Востока будут трансформированы за счёт исчезновения границ таких государств, как Турция, Ирак, Саудовская Аравия, Пакистан, Сирия, ОАЭ; таким образом, на карте появятся новые государственные образования – независимого Курдистана, Белуджистана, Арабского шиитского государства, Великой Иордании, Объединённого Азербайджана [32, р. 57]. По мнению Р. Петерса, именно новая концепция «Ближнего Востока» позволила бы фундаментальным образом решить проблемы современного региона. Самыми произвольными и противоестественными границами в мире он считал – границы Африки и Ближнего Востока, называя их несправедливыми, полагая, что пограничные линии Ближнего Востока порождают глобальную проблему, невозможную решить на местном уровне.

Альтернативный проект «Нового Ближнего Востока» был также сформирован американским профессором Майклом Дэви. В своём исследовании «Реконструкция Ближнего Востока» он предполагает, что границы Сирии сотрутся с границами Ирака, воссоздав так называемую «новую общность». Он также выдвигает гипотезу о том что, государство Иордании будет отдано Палестине, взамен на Восточный Иерусалим, проблема Ливана, будет решена разделением территорий на два государства – шиитов и маронитов.

Исследования концепций реформирования обновлённого «Ближнего Востока» могут привести к открытию иных методов и расширить наши представления о возможных сценариях, происходящих на международной арене. В частности, как полагает Е.М. Ахмедов, «Арабская весна» оказала серьёзное воздействие на изменение основных тенденций мирового

переустройства. Политическая архитектура Ближнего Востока XX столетия оказалась практически полностью нарушена. Арабские народы и наиболее прогрессивно настроенная часть арабских элит (как светских, так и исламских) выступили за превращение Ближнего Востока из объекта в субъект международных отношений [33]. «Арабская весна» сегодня, это продолжение трансформации границ ближневосточного региона. События, которые происходят в Сирии и в Египте сегодня позволяют нам прогнозировать ситуацию, которая была изложена первоначально в монографии Дж. Кемпа и Р. Харкави, безусловно, это разрушение «Ближнего Востока», в конечном счёте, это же и его трансформация и переосмысление.

Исследование, проведённое нами в рамках теоретического осмысления «Ближнего Востока», в частности, рассмотрения географического, геополитического подходов, не даёт ответов на все вопросы. Появление «Нового Ближнего Востока» оказывает влияние не только на государства, в которых происходят изменения конъюнктуры внешнеполитической карты мира, но и на страны, которые имеют с этими государствами политические, экономические, религиозные, исторические и культурные взаимоотношения.

Завершая рассмотрение возможных направлений и концепций развития ближневосточного региона, можно отметить, что концепция «Ближнего Востока» открывает перспективы новых исследований в рамках международных отношений. Независимо от названий концепций и толкования «Ближнего Востока», которые может получать геополитика в связи с разными направлениями её исследования, ближневосточный регион в любом случае будет оставаться стратегически важной опорной точкой в международных исследованиях.

Очевидно влияние политических событий Ближнего Востока и на Россию, особенно, если рассматривать её развитие в исторической динамике на протяжении нескольких столетий, из чего можно увидеть, что перекройка территорий, приращение земель Российской империи, создание Советского Союза и его крушение происходило в тот же период формирования агрегации Ближнего Востока. В этом ключе нужно видеть исследованные нами процессы, примеряя их к России, её близости к данному региону, её сопричастности к исламскому миру через российские республики, как испытывающие частичное влияние ислама, так находящиеся в орбите его полного влияния.

Отсюда вытекает необходимость учёта и Россией, и странами СНГ тех сильных факторов, которые веками перекраивают карту Ближнего Востока, и, с одной стороны, поиска средств противодействия перманентной нестабильности, идущей из этого региона, с другой стороны, поиска механизмов коммуникации с огромным флуктуирующим мусульманским миром. Представляется, что в этом процессе может найти своё особое место то крупное и влиятельное государство, которое найдёт нестандартные подходы взаимодействия с чрезвычайно разнородным Ближним Востоком, которое предложит модели сосуществования порой смертельно враждующих государств и народов, модели, несущие какие-то объединительные начала,

которые из исторического контекста рассмотренных событий последних десятилетий и даже столетий почти не просматриваются.

Возможно, это модель, которую имеет в виду Л.Г. Ивашов. Может быть – та, которую предлагает Л.В. Голоскоков, [34] – на основе объединения учёных в проекте строительства инновационного общества, которое по определению не должно иметь никакой национальной или религиозной окраски, но иметь общечеловеческие ориентиры и цели, приемлемые культурой любого народа и государства, и тогда, видимо, следует переходить к реализации такого проекта в международном формате не в виде сетевого общества конкретного государства, а сетевого инновационного виртуального государства, интегрирующего в себя учёных любых стран и народов для решения множества задач человечества.

Опыт динамичного изменения государственности на Ближнем Востоке поучителен для России и стран СНГ. Промчавшаяся с запада на восток буря в пустыне – *الصحراء عاصفة* (асифа ассахра), принесла арабскому миру хаос и смятение, начинила его гремучей смесью терроризма с несостоявшейся демократией, не пустившей корни в зыбких песках дрейфующей государственности. Возможно, другие, северные ветры навеют идеи о монументальной основе, неподвластной историческому времени и географическому пространству. И может, надёжную твердь гранита в море плывущих барханов принесёт для мусульманского, христианского и иных миров та прекрасная барышня, в которую мы все влюблены, и которая никому и никогда не изменяет – наука.

Список использованной литературы

1. Рослый И.М. Философия как наука о развитии мышления. (В память о А.И. Герцене) // Социально-экономическая реальность и политическая власть. Сборник научных статей. – М., 2006. № 1. С. 274-281.
2. Матузов Н.И. Актуальные проблемы методологии юридической науки (Доклад на научно-методологическом семинаре) // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 189-193.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М., Мысль, 1998. Т. 2. – 606 с.
4. Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями / М., Эксмо, 2012. – 384 с.
5. Тарасов Н.Н. Методологическая ситуация в современном правоведении: аспекты анализа // Академический юридический журнал. 2001. №. 3(5). С. 4-15. http://advocat.irk.ru/aum/5/5_1_1.htm
6. Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений. // Сборник «Современные международные отношения и мировая политика». МГИМО. Просвещение. – М., 2005. С. 495-496.
7. Беренштейн Л. Обречённость политики и практики сионизма. К.,

Вища школа, 1980. С. 43-44.

8. ما الاسم القديم الذي اطلقه الرومان على تونس عدد الإجابات: 1 عدد الزيارات: 438

9. Ивашов Л.Г. Геополитические горизонты России / Международная жизнь. – М., 2007. № 5. С. 36-46.

10. Маккиндер Х. Круглая Земля и обретение мира. [Электронный ресурс] <http://www.intelros.ru/index.php?ncvvsid=357> (Дата обращения 22.12.2009 г.).

11. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. [Электронный ресурс] http://www.polisportai.ru/filcs/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1995-4-Makkinder-Geografi4eskaja_os_istorii.pdf (Дата обращения 26.7.2009 г.).

12. Spykman N. The Geography of the Peace, New York, 1944. – 66 p.

13. Cohen Saul. Geography and Politics in a Divided World. The Eurasian Convergence Zone: Gateway or Shatterbelt? Eurasian Geography and Economics. Londres, Methuen, 1964. No. 1. P. 1-22.

14. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., Международные отношения, 1998. [Электронный ресурс] <http://www.middleeast.narod.ru> (Дата обращения 6.7.2008 г.).

15. Toynbee A. Survey of international affairs. V.I. The Islamic world since the peace settlement. Oxford University press, 1927. – 627 p.

16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М., ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

17. 2004/11/02 - سوريا عهد بشار الأسد // www.internationalcrisisgroup.com

18. Davison, Roderic H. «Where is the Middle East?» Foreign Affairs 1960. No 38 (4) P. 665-675.

19. الاستراتيجية الأمريكية العمارة في الشرق الأوسط بعد الحرب العالمية الثانية. - ص 245. 1997 القاهرة آل ماروش (Архитектурная стратегия США на Ближнем Востоке после Второй мировой войны. Каир Аль Мароша 1997. – 245 с.)

20. Уркхарт Б. Объединённые Нации в XXI веке // Россия в глобальной политике. – М., 2004. № 4. С. 90-91.

21. Раби М.М., Мукаллид И.С. Энциклопедия политических наук. – Кувейт, 2001. – 737 с. (на араб. яз.).

22. Хамаде Т. Реформа и развитие – мировой порядок и Большой Ближний Восток. – Дар Аль-мйхаж Аль-байда, 2005. – 325 с. (на араб. яз.).

23. Campbell J. Defense of the Middle East: Problems Of American Policy. – New York: Harper, 1960. P. 4-6.

24. Kemp G., Harkavy R. Strategic Geography and the changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace in cooperation with Brookings Institution Press, 1997. – 211 p.

25. Шмелева Т.А. К вопросу о преемственности власти в современном Египте: Гамаль Мубарак [Электронный ресурс] / Т.А. Шмелева // Институт Ближнего Востока. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/01-07-03.htm>

26. مجلس التعاون لدول الخليج العربية. المسيرة والإنجازات. الرياض. 2009. ص 236

27. Мелкумян Е.С. Реформы в регионе расширенного Ближнего Востока // Института Ближнего Востока, [Электронный ресурс]:

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/12-01-06b.htm>

28. Сатановский Е.Я. Есть ли шанс на Ближнем Востоке собрать камни // Институт Ближнего Востока. Выступление на конференции Sub-regional or Multilateral? New Approaches of the Conflict-Management in the Middle East under Scrutiny. 25-26 October, 2007 Berlin [Электронный ресурс] <http://www.iimes.ru/?p=6418>

29. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманская правовая культура и проблемы безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир. – М., 2008. № 10. С. 125-142.

30. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина // Возвращение России на «Большой Восток». – М., АСТ, 2007. – 447 с.

31. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ: новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб, 2004. – 252 с.

32. Peters R. Blood borders. How a better Middle East would look // Armed Forces Journal. – Springfield. 2006. № 6. P. 57-61.

33. Ахмедов Е.М. Особенности социально-политической трансформации в условиях «Арабской Весны» // Институт Ближнего Востока, [Электронный ресурс]: <http://www.iimes.ru/?p=17849>

34. Голоскоков Л.В. Проект создания сетевого общества как новая национальная идея России // Треугольник сетевого общества: наука, производство, коммерция / Коллективная монография под ред. Л.В. Голоскокова. – М.: Изд-во Государственный университет Минфина России, 2012. С. 6-23.